

Если говорить прямо и начистоту, причина кроется в том, что это Шэнфубань, а не Шэнфутан.

Хотя и бан, и тан — пристанища для актеров, разница между этими двумя словами весьма тонка.

Те труппы, что величали тан, в большинстве своем промышляли торговлей телом. В народе это называлось сидеть на коленях: днем на сцене актер изображает женщину, а ночью становится ею для клиента.

Подобные труппы имели общее название — сянгунтанцзы.

Впрочем, не все в таких заведениях были лишь мальчиками для утех. Всегда находились настоящие звезды, способные держать зал. Такие актеры стояли на куда более высокой ступени, чем те, кто умел лишь петь пошлые песенки.

Заполучить такую звезду к себе на колени было делом непростым, да и колени у них были не чета обычным, и сесть на них мог далеко не каждый желающий.

Бай Линъюнь ворочался в постели, не в силах уснуть. С того самого момента, как он услышал цифры 1912, у него разболелась голова.

Первый год Китайской Республики... Неужели это означает, что в ближайшие десятилетия ему не видать спокойной жизни?

Бай Линъюнь тяжело вздыхал, и от этой головной боли сон окончательно улетучился.

В голове теснилось множество мыслей, но все они в конечном итоге возвращались к насущному. Каким бы ни было будущее, сейчас важнее всего было просто выжить.

В нынешние времена актерство — профессия низкая, стоящая даже ниже, чем у куртизанок. Причина проста: женщинам запрещено выходить на сцену, поэтому все женские роли исполняют мужчины.

После введения запрета на проституцию и массового закрытия публичных домов сянгунтанцзы начали расти как на дрожжах. В конце концов, закон запрещал продажную любовь с женщинами, но ни слова не говорил о мужчинах. В одночасье стало модным содержать театральные труппы при государственных учреждениях и частных домах, а сами актеры превратились в предмет роскоши, с помощью которого знать тешила самолюбие и соревновалась в богатстве.

Бай Линъюню даже не нужно было напрягать память, чтобы понять, где он находится. Дай Пэйчуань, не обращая внимания на его помрачневшее лицо, прямо сказал, что их двор расположен в самом сердце знаменитого квартала Ханьцзятань, в районе Восьми хутонов.

Низкий статус, ни гроша в кармане — от таких мыслей на душе становилось тошно.

— Сяо Чуань, ты спишь?

— Брат, я не сплю, — голос Дай Пэйчуаня донесся из темноты, со стороны двери.

— Холодно ведь, иди ложись на кровать.

— Нет, мне не холодно, я привык к морозам. Брат не может уснуть?

Бай Линъюнь в очередной раз тяжело вздохнул, его голос звучал обессиленно:

— Да, днем переспал, вот и не идет сон. Расскажи-ка мне что-нибудь о своей семье.

Дай Пэйчуань молчал довольно долго. Бай Линъюнь уже хотел было переспросить, как вдруг раздался тихий, слегка хриплый голос юноши:

— Мои предки со времен прадеда были крепостными. Дед служил в особняке князя Хорчин, был личным слугой при сановнике Сэнгелинчине с двадцать пятого года правления Даогуана. В четвертый год Сяньфэна дед вместе с господином Сэнгелинчином разгромил армию Северного похода. Император Сяньфэн даровал господину титул Батура, а мой дед за верную службу получил чин девятого ранга в конюшенном ведомстве. Мы не были богачами, но и голодать не приходилось. А после смерти деда в первый год Сюаньтуна наш дом начал приходить в упадок.

Дай Пэйчуань всхлипнул, шмыгнул носом и продолжил:

— Отец с юности был никчемным человеком. После смерти деда он пустился во все тяжкие: завел кучу наложниц, ночами пропадал в увеселительных кварталах, а вскоре пристрастился к опиуму и стал законченным наркоманом. Все, что можно было продать, он пропил и прокурил. Наложницы, почуяв неладное, быстро прихватили остатки денег и сбежали. Остались только мы с мамой в пустом доме, вечно голодные.

Бай Линъюнь не выдержал:

— Сяо Чуань, не надо, перестань...

— Брат, со мной все хорошо. Я так долго держал это в себе, мне хочется выговориться, чтобы стало легче.

Бай Линъюнь прикусил язык, мысленно проклиная себя за то, что, переселившись в этот мир, он совсем не подумал головой, прежде чем лезть в чужую душу.

— Перед самым Новым годом, чтобы купить очередную дозу, отец притащил мать в дом терпимости и... продал ее. Моя мать была дочерью образованного семейства, вышла за отца лишь из-за разорения своего дома. Не вынеся такого унижения, она тут же бросилась головой на красный лакированный столб перед входом в заведение. А отец, охваченный опиумной ломкой и словно лишившись рассудка, схватил меня и потащил в этот самый танцзы.

Бай Линъюнь крепко сжал пальцами тонкую простыню, в горле застрял болезненный ком.

Дай Пэйчуань же говорил все спокойнее, но в этом спокойствии сквозила такая безнадежность, какой не должно быть у тринадцатилетнего подростка.

— Отец стучался в три заведения, но никто не хотел меня брать. Я тогда оцепенел от ужаса, не

мог ни слова сказать, ни глазом моргнуть. Кто станет покупать дурачка? Но отец, как безумный, обходил дом за домом, пока не открыли в Шэнфубане. Глава труппы Чэнь сначала отказывался, но потом второй мастер Цянь сказал, что им в любом случае нужен кто-то для грязной работы. Так глава Чэнь с неохотой купил меня за один серебряный доллар.

Бай Линъюнь закрыл глаза. Он не мог представить, как можно продать живого человека за один доллар.

В темноте Дай Пэйчуань смотрел на кровать с неестественно блестящими глазами. Если полгода назад он еще не мог смириться с реальностью, то, увидев своими глазами, как бесследно исчезают другие мальчишки-актеры, он перестал думать о чем-либо, кроме выживания. Сегодня небо сжалилось над ним, подарив такого брата. Даже если бы жизнь пришлось отдать прямо сейчас, он бы не пожалел.

Слух о том, что глупый мальчишка за одну ночь втерся в доверие к господину Баю, разнесся по всей труппе еще до рассвета. Версий было столько, что любую из них можно было превратить в популярную пьесу.

— Эй, я же слышал ночью, когда выходил по нужде, что этот дурачок ночует в комнате господина. Как думаете, у них там, это... ну, понимаете? — раздался шепот за дверью.

Слова были излишни, все и так было ясно.

Грязные связи среди актеров не были секретом. Все спали на одной широкой циновке, и кто с кем и что делал — все видели, предпочитая закрывать на это глаза.

— Говорят, господин Бай такой гордый, что нос задирает до небес. Даже на корзины с цветами от помощника начальника гарнизона не взглянул. С чего бы ему вдруг на этого дурачка запасть?

— Вот тут ты ничего не смыслишь. Сейчас же Республика! Кому нужны эти помощники начальника? Ну, не взглянул он, и что с того?

— Но ведь помощник — человек в четвертом ранге. Какая разница, Республика или нет? Разве кучка солдафонов посмеет тронуть чиновника такого уровня?

— Ты что, с ним якшаешься? Так защищаешь его, аж противно. Ладно, не буду с тобой говорить.

— Эй, да чего ты злишься? Лучше расскажи, слышал ли ты ночью хоть какие-то звуки?

<http://bllate.org/book/19185/1883617>